

О Т З Ы В

профессора на пенсии, доктора филологических наук Стефаны Петровой Димитровой –
сфера высшего образования **2. Гуманитарные науки,**
профессиональное направление **Филология (Славянские языки) –**
на материалы, поданные для участия в конкурсе на соискание академической должности
доцента в **Пловдивском университете им. Паисия Хилендарского**
в сфере высшего образования **2. Гуманитарные науки,**
по профессиональному направлению **2.1. Филология (Славянские языки – Современный
русский язык).**

Я назначена членом научного жюри по проведению конкурса приказом Ректора ПУ
под № РД-22-434 / 18.02.2025.

В конкурсе на соискание должности доцента, объявленном в Государственной газете
(болг. Държавен вестник) №98 / 19.11.2024 и в интернет-сайте Пловдивского университета им.
Паисия Хилендарского в соответствии с потребностями Кафедры русской филологии на
Филологическом факультете, принимает участие в качестве единственного кандидата главный
ассистент, кандидат наук (в болгарской терминологии доктор) Энчо Тилев Тилев.

1. Общее описание полученных материалов.

Предоставленные мне соискателем материалы в двух вариантах (на бумажном и
электронном носителях) соответствуют Регламенту Пловдивского университета по развитию
академического состава и включают следующие документы: просьбу о допуске к участию в
конкурсе, автобиографию по европейскому формату, диплом (с приложением),
свидетельствующий о получении высшего образования и о присвоении степени магистра,
диплом кандидата (болг. доктора) наук, список научных публикаций, научные публикации,
список цитаций, справку о соответствии минимальным национальным требованиям, аннотацию
предоставленных материалов, самооценку вклада в науку, декларацию об оригинальности и
достоверности поданной документации, удостоверение о выслуге лет, документы о
выполненной и выполняемой учебной и научно-исследовательской деятельности и справку о
членстве в научных организациях.

Энчо Тилев является автором 27 публикаций. С тремя из них он участвовал в конкурсе на
соискание должности главного ассистента, а 11 из них имеют прямое отношение к теме
кандидатской его диссертации. В данном отзыве будут анализироваться 13 работ, не связанных
с предыдущими процедурами и аккуратно выделенных автором отдельным списком. Но
поскольку облик доцента оформляется его целостным научным развитием, отмечу, что в
конкурсе для присвоения степени кандидата наук он участвовал с 11 статьями и в конкурсе на
должность главного ассистента еще с 3 статьями. Тилев имеет 3 цитации в монографиях и

коллективных томах с научным рецензированием и 5 цитаций в нереферированных журналах с научным рецензированием.

Профессиональное развитие Энчо Тилева связано целиком и непрерывно со славянским языкознанием и точнее с современным русским языком и его описанием. По окончании среднего образования в языковой гимназии, где изучались русский, немецкий и английский языки, он поступает в ПУ. Там получает диплом специалиста по русской филологии. Работает сначала в качестве преподавателя-почасовика по русскому языку в ПУ и в Профессиональной гимназии по механотехнике. В дальнейшем, пройдя успешно по конкурсу, занимает должность ассистента. Поступает в аспирантуру и успешно защищает диссертацию в 2017 г. С 2020 г. является главным ассистентом на кафедре русской филологии. Там он читает лекции по морфологии современного русского языка и актуальным тенденциям в морфологии современного русского языка; ведет семинарские занятия по морфологии современного русского языка, по практическому усвоению русского языка (по грамматике, лексике, аналитическому чтению, письменным упражнениям) и по русскому языку для нерусистов.

2. Оценка научной и научно-прикладной деятельности кандидата

Энчо Тилев заслуженно пользуется высоким научным авторитетом на кафедре благодаря своей ответственной преподавательской работе и чрезвычайно активной внеаудиторной деятельности со студентами. О качествах его исследовательской работы говорит также цитация его трудов, а именно: цитирование в монографиях и коллективных томах с научным рецензированием – 3; цитирование и рецензирование в нереферированных журналах с научным рецензированием – 5. Параллельное чтение теоретических лекционных курсов и ведение семинарских занятий сыграло большую роль для оформления преподавательского облика Энчо Тилева – хорошего лектора и умелого преподавателя в области прикладной лингвистики и практического усвоения русского языка. Свободное владение этим языком наряду с бесспорной ориентацией в других языках (прежде всего в немецком, с которого он и переводит) лежит в основе его интереса к сопоставительному их описанию, нашедшему место в большей части его исследований. В них находит отражение его хорошая осведомленность в области русской морфологии (в рамках современного языка) и в тенденциях ее функционирования, в русской лексике и лексикологии, в контрастивной лингвистике и т.д. При этом кандидат всегда имеет ввиду адресата своих лекций или публикаций, учитывая его профессиональный уровень, и это особенно чувствуется в принципиальном различии между материалами для русистов и нерусистов.

Статьи, представленные Энчо Тилевым для участия в конкурсе, отражают его научное развитие после предыдущих процедур. В них поставлены серьезные теоретические вопросы, связанные с описанием залога и его сложных семантических реляций, с темпоральностью и ее местом в лингвистических исследованиях, с сущностью категории падежа и с ее толкованием разными авторами. Упомянутые теоретические акценты представлены в более развернутом виде в его монографиях, на которые будет обращено специальное внимание несколько ниже. Но тут нужно отметить еще один момент: в некоторых разработках соискатель исходит не из корпуса языка своей основной специальности, не из русского языка, а из своего родного болгарского языка (напр. в статье о болгарском префиксе *въз-*); кроме того он проводит сопоставление между немецким и русским языковым материалом, напр. в поисках русских

соответствий немецкого глагола *werden*. Представляется вполне удачным решение Тилева сопоставлять семантику болгарского префикса *въз-* с семантикой русских элативных форм, что подсказывает вывод о несовпадающей фреквентности этой морфемы в исследуемых языках, зависящей от семантических характеристик сочетающихся с ней прилагательных. Вопрос о фреквентности, но на этот раз целой лексемы, возникает снова при рассмотрении глагола *werden*. Тут она обвязывается с его грамматикализацией и функциональной реализацией как в качестве вспомогательного глагола, так и в качестве глагола-связки.

Статья о сущности и проблемах прономинальной классификации в некотором смысле стоит несколько в стороне от других публикаций автора. Она отражает состояние проблемы в русской и болгарской языковедческой литературе – состояние, которое не может считаться удовлетворительным, поскольку этим вопросом занимаются чаще всего хорошие ученые, но не имеющие систематической подготовки по древним языкам и в особенности по санскриту. Упомянутые в статье западноевропейские авторы, говоря о необходимости в сочетании диахронического и синхронического подхода, не обращают нужного внимания на те сложные процессы, которые привели к возникновению супплетивизма в прономинальных системах большинства языков, а в то же время супплетивизм местоимений признается одной из их самых стабильных конструктивных осей. Эта ось отличается векторной двунаправленностью: с одной стороны, она связана с древним языковым субстратом, с другой стороны, создает условия, в силу которых форма одного слова привлекает другое слово и таким образом ориентирует этимон к новому смыслу. Так образуется т.наз. Мишелем Готье *эуфонический этимон*, не связывающий в единое целое семантическое содержание и консонантный корень. Тут под влиянием семантики грамматика и в частности морфология сдают позиции, „сгибаются“ и начинают супплетивно выражать содержательные структуры. Это наводит меня на мысль, что классификация этого сложного и исключительно изменчивого морфологического множества вряд ли может обсуждаться без основного знания принципов континентальной типологии, представителем которой в русском языкознании признан Соломон Давидович Кацнельсон, и уходящей корнями в теоретические воззрения Эдуарда Сэпира и Дуайта Ли Мёртона Болинджера. Они первыми протестовали против морфологических классификаций как целых языковых систем, так и выделяемых в них отдельных множеств. Доказательство этому можно найти у самого автора, признающего в аннотации, что „современная наука не располагает однозначными и непротиворечивыми критериями для классификации классов (я бы тут сказала разрядов) слов“.

Колебания Энчо Тилева по этому вопросу вполне основательны. Предполагаю, что мои рассуждения убедят его в необходимости дополнительного выяснения определенных „темных пятен“ в обсуждаемой области.

Энчо Тилев всегда проявлял интерес к наивысшим грамматическим абстракциям в русском и болгарском языках. Этот интерес подводит его к вопросу о залоговости и темпоральности в лингвистических исследованиях. В статьях, посвященных вышеупомянутым абстракциям, чувствуется благотворное влияние одного из самых выдающихся функционалистов нашего времени – Александра Владимировича Бондарко, а также главы пловдивского морфологизма проф. Ивана Куцарова. В сущности эти двое ученых, как известно, были всегда в режиме профессионального созвучия. Я надеюсь, что и обсуждаемый ныне кандидат в доценты будет работать в их стиле.

Статьи, посвященные падежу, прямо связаны с последней книгой соискателя и поэтому позиция автора будет показана при ее анализе. Но сначала я остановлюсь на монографии *Морфологическая (не)категориальность*. Это первый монографический труд Энчо Тилева. Важнейшим качеством автора я считаю его критическое осмысление всего прочитанного, его подчеркнутый интерес к спорным вопросам лингвистики и особенно к парадоксальному столкновению взглядов в области морфологии. Это вторжение в столь сложную территорию всегда оказывается подчиненным желанию абсолютного выяснения фактов при полном сознании, что в нашей науке окончательных истин нет и что вся ее история была и будет перманентной сменой исследовательских парадигм.

С этой позиции выстроено и настоящее исследование, посвященное одной из самых спорных тем современного языкознания – понимаю категориальности в языковых системах. Автор предлагает рассматривать категориальные и некатегориальные значения в качестве неразрывно связанных семантических типов, из которых по крайней мере пока более интересным представляется второй. Это связано с общей тенденцией в современной лингвистике к преодолению механистического понимания языка только как систему систем, как нечто нерушимое и вечное. Движение в системах, возникновение новых семантических характеристик у морфологических единиц – это одна из самых привлекательных зон для научного наблюдения, поскольку является и самой трудной для адекватного объяснения. Энчо Тилев отталкивается от традиционного деления морфологических единиц в качестве частей речи, но это является только отправным пунктом в разработке. Их описание с точки зрения категориальности показывает, что в живых языках мы оперируем подвижными множествами, имеющими лабильные и размытые границы. Это, со своей стороны, дает основание утверждать, что предметом будущих исследований могут быть например теории частей речи и лексико-грамматических разрядов с опорой на классификационные подходы, учитывающие семантику классов слов. Все эти вопросы обязывают автора выбрать в качестве отправного пункта одну из существующих уже концептуальных схем и убедительно мотивировать правильный выбор теоретических основ своего исследования. В данном случае это, как и, следовало ожидать, концепция Александра Владимировича Бондарко о неоднородности некатегориальных значений, поскольку одни из них тесно связаны с категориальными, а другие выражаются лексическими средствами и имеют отношение к грамматике только в функциональном плане. И что особенно важно: Энчо Тилев принимает убеждение, что некатегориальная семантика относится к т.н. скрытой грамматике и к случаям постепенных переходов от явной к скрытой грамматике. Это положение проходит красной нитью через анализ категориальных и некатегориальных значений всех изменяемых частей речи. Вот почему при анализе существительных проводится разграничение между исследуемыми значениями имен с полной числовой парадигмой и имен с дефектной парадигмой; при анализе прилагательных обращено особое внимание на элатив, а дескрипция некатегориальных значений проведена через призму функциональной грамматики. По существу тут исследование ведется в рамках процедурной семантики, так как на одном общем поле наблюдения сталкиваются грамматические и семантические сущности, что является наилучшей иллюстрацией высказанной Ниной Давидовной Арутюновой мысли, что семантика сильнее грамматики.

Категориальные и некатегориальные отношения у числительных особенно трудны для наблюдения, потому что сами числительные являются неоднородным морфологическим классом и вопрос об их специфике получает разные трактовки в отдельных школах и

направлениях. Общеизвестно, что исследовательских неудобств значительно больше при множествах со сложными морфо-типологическими и контенсивно-типологическими характеристиками, а именно такой является картина во всех славянских языках. Поэтому Энчо Тилев принимает правильное решение начать анализ с вопроса о сущности числительных как части речи, а также классификационных проблем, связанных с ней. Он сумел эксцерпировать из разработки этого вопроса все самое интересное для своей темы и представить его в довольно компактном виде. Не менее сложным является вопрос о местоимениях и скрытых за ними значениях. И не случайно тут, как и в статье о классификации местоимений, разделяется мнение Поля Гарда, что грамматика состоит из двух частей – грамматики местоимений и грамматики неместоимений. При этом можно утверждать, что эти две количественно неравнопоставленные части равнопоставлены или почти равнопоставлены по сложности. Это невидимое равновесие получается именно от некатегориальности огромных речевых массивов, весьма отличающихся в конструктивном отношении в отдельных языках, но обладающих одинаковыми или почти одинаковыми потенциальными возможностями. Тут речь идет о семантических потенциях и рестрикциях, которые охватывают грамматические построения языков и перерабатывают категориальные отношения в двух противоположных направлениях – стабилизации и дестабилизации, ведущих к проявлениям аналогии и дивергенции.

Глагол расположен на одном полюсе морфологической оси и уравнивается другим полюсом, занятым именем существительным. Относительное единство морфологической системы предполагает наличие категориальных и некатегориальных отношений на обоих полюсах. И в книге это показано очень хорошо. А поскольку глагол имеет свою специфику, которая по мнению некоторых ученых, например Люсьена Теньера, ставит его на вершину морфологической пирамиды, он представлен очень обстоятельно и убедительно как носитель категориальных и некатегориальных отношений. Для этого было необходимо ввести понятие *лексико-грамматической категории*, а также разграничить категориальные и частные значения темпоральных граммем, с одной стороны, и некатегориальных значений – с другой.

Любая научная книга ценна, если она стимулирует новые научные изыскания. Иногда такие стимулы скрываются между строк, иногда улавливаются в вербальном тексте. И именно с точки зрения стимулов, которые я обнаруживаю в книге *Поверхностный падеж в русском языке: валентности и потенции*, мне бы хотелось проследить ее построение и прежде всего выделяющиеся во второй части акценты, имеющие теоретическое значение. Само название книги подсказывает, что автор, направив внимание к морфологически выраженным падежным формам, имеет постоянно в виду также наличие глубинных падежей, на которые все больше ориентируются описания русского языка второй половины XX-ого века. Каким бы полезным для прикладного языкознания ни было описание поверхностных падежей, оно не со вчерашнего дня считается большинством лингвистов, по той или иной причине прикоснувшихся к нему, неудовлетворительным. Этот факт отмечен Энчо Тилевым уже в Предисловии к книге: „Омонимия флексий и даже омоформия в большей части субстантивной парадигмы представляют собой явления, засвидетельствованные во многих древних языках, и имеют место также в древнерусском. В связи с этим закономерно возникает вопрос о количестве казуальных граммем, неоднократно ставящийся в русской лингвистике XIX и XX веков“. Kompliziertый характер категории *падежа* обязывает автора проследить взгляды на нее с древности до современных концепций в русистике и в болгаристике, от знаменитого *Осьмикнижия (Ashtadashavarshiyah)* Панини до таких современных ученых-русистов, как Роман Якобсон, Юрий

Степанов, Андрей Зализняк и болгаристов Станьо Георгиева, Ивана Куцарова, Руселины Ницоловой. При описании древних грамматик Энчо Тилев обращает внимание и на слабо известные у нас моменты типа разграничения языкового кодирования фактов от их бытования в объективной действительности в грамматике Панини при вводе термина *karaka*, который действительно не идентичен термину *падеж* (*ptosis*), предложенному Аристотелем, поскольку последний ближе к тому, что мы теперь называем *функциональным классом*. Это и подобные ему наблюдения делают обсуждаемый труд полезным для изучения всемирной истории лингвистики, так как наталкивают на размышлы и доуточнение дистанции между фактами языка и фактами теории. Представляется, что при описании грамматик далекого прошлого Энчо Тилев мог бы объяснить поподробнее некоторые моменты, о которых он только упомянул. Так например, отмечая отказ Дионисия Фракийского от членения падежей на прямые и косвенные, предложенного школой стоиков, он мог бы напомнить читателю, что уже тогда возникает вопрос о лабильности границ между отдельными категориями и что в нем коренится первый толчек для возникновения едва в XX веке так называемой *fuzzy grammar*. Колебания древних мыслителей показывают, что их грамматики, эти первые проявления языкового моделирования, содержат имплицитные указания на непреодолимость дистанции между языком и моделями языка. Чем ближе подходит автор к нашему времени, тем более обстоятельными и компетентно звучащими становятся одна за другой его трактовки разработки падежной проблематики в отдельных школах. Очень хорошо представлен Лаврентий Зизаний. В этой части я снова нахожу постановки, которые мне представляются интересными с точки зрения новейших взглядов на грамматику. Я имею ввиду понимание Лаврентием Зизанием грамматики как единства правописания, просодии, синтаксиса и этимологии – и это понимание очень мало отличается от принятого теперь в американском языкознании понимания термина *грамматика* как всего связанного с описанием языка по всем уровням. Вся первая часть книги написана исключительно добросовестно и говорит как об углубленном ознакомлении с литературой, так и об умении Тилева извлекать из огромного количества текстов самое существенное для поставленной им цели. Я позволю себе отметить только еще один момент – интерес автора к описанию одного языка неносителями его. В этом отношении я бы отметила представление двух сочинений француза Жана-Батиста Модрю, этого бесспорного новатора в описании русского языка, доказавшего убедительно обособление прилагательного в нем. Это факт особого значения, так как речь идет не о простой констатации наличия чего-то стабильно представленного в данном языке, а о фиксации мучительного и противоречивого зарождения в нем новой части речи. Упомянутое описание языков неносителями еще более подробно показано примерами, связанными с чужеземцами, занявшимися описанием нашего, болгарского, языка.

Дескрипция падежей в болгарской лингвистике представлена достаточно подробно с точки зрения задач, поставленных в книге. Являясь носителями болгарского языка и представителями болгарской лингвистики, все мы интересовались ее историей и, несмотря на это, можем найти в обсуждаемой книге ценные моменты, свидетельствующие о направленности интересов ее автора. Представляется очень важным и необходимым включение вопроса о полемике, связанной с пониманием падежа в 50-ые годы прошлого столетия. Будучи современницей этой полемики, я чувствовала себя теоретически заангажированной ею и до сих пор испытываю волнение при упоминании о „тех временах“. Но сейчас мне хотелось бы отметить тот факт, что практически эта полемика является бесспорным свидетельством о том, что падежная грамматика является детищем Александра Теодорова-Балана, а не Чарлса

Филлмора, издавшего только в 1964 г. свою книгу *The Case for Case*. Разумеется, Филлмор и не слышал о Балане. Но нам важен факт, что двое великих ученых, независимо друг от друга, приходят к однотипным выводам о семантических ролях слов в предложении. Более того, делает честь Тилеву оказываемое им внимание нашим ученым, поддержавшим незамедлительно позицию Балана, не боясь грозящих им последствий. Среди них был и русист Кирилл Бабов, чья роль не только в русистике, но и в нашем теоретическом языкознании как-то осталась несколько в тени.

Вторая часть книги, посвященная диахронно-синхроническим параллелям в падежной системе русского языка, находится в стилистическом и теоретическом созвучии с первой. Признавая лингвистическое значение результатом взаимодействия криптотипов и фенотипов, автор останавливается на падеже как абстракции со сложной системой, чья Kompliziertheit проявляется „в ее содержательной структурной организации и порождается большим пучком семантических отношений“. Этот кластер считается общепризнанным, но количество падежных граммем все еще не вычислено ни для одного языка, и мне лично представляется, что оно не подлежит окончательному вычислению. По сути дела тут я принимаю мнение Юрия Дерениковича Апресяна, что количество граммем постоянно будет нарастать по мере усовершенствования нашего умения их разграничивать. В то же время в книге Энчо Тилева я нахожу интересные рассуждения о редукции категории падежа в индоевропейских языках и не вижу в них противоречия с моей позицией, потому что о редукции можно говорить только в связи с поверхностным падежом, являющимся предметом исследования в этой книге. Я бы тут скорее говорила о противопоставлении семантического расширения граммем и редукции морфологических индексов падежей. Одно из проявлений этой редукции заложено в сложном процессе конкуренции падежных форм (напр. именительный – творительный, родительный – винительный, дательный – предложный и т.д.). Автор ставит вопрос о семантической нагрузке отдельных падежей и принимает мнение Виктора Владимировича Виноградова, что потенциал предложно-падежных конструкций в русском языке отличается функциональным богатством и превосходит синтетические падежные формы. Это дает повод читателю задуматься серьезно над вопросом об инвазии аналитизма не только в русской морфологии, но и в морфологии большинства индоевропейских языков. Вероятно этот вопрос можно было бы связать и с проблематикой языковой экономии и с ее двуплановыми характеристиками лингвистического и экстралингвистического естества.

Один из основных тезисов в книге гласит: „Независимо от того, что падежная система русского языка изменяется значительно медленнее (по сравнению с системами других языков – С.Д.), она также подвергается изменениям, которые оформляют современный ее облик“. В соответствии с этим убеждением автор делает попытку проследить тенденции в управлении определенных предлогов в связи с вариативностью падежных и предложно-падежных форм. Обращено специальное внимание на звательные формы и убедительно доказано, что не стоит говорить о новом морфологизированном звательном падеже в современном русском языке, так как его формы не отличаются облигаторной регулярностью.

Персональный вклад соискателя

Прочитав книгу, я ознакомилась и с самооценкой автора относительно новизны в ней. Она представлена лаконично и скромно, и я полностью ее принимаю. Мое мнение о ценности

сопоставления современной русской падежной системы с казуальными системами древнерусского и староболгарского языков совпадает полностью с мнением автора, потому, что на самом деле выбранная им модель исследования позволяет выявлять существенные системные изменения в диахронном плане и высказывать предположения о наличии зон, которые вероятнее всего будут подвержены изменениям в будущем. Таким образом Тилев подходит к проблематике лингвистической футурологии, которая все еще робко проторяет себе дорогу среди других языковедческих дисциплин. Основное достоинство книги определено бесспорным образом самим автором и я его принимаю без малейшего сомнения: „Дескрипция болгарских грамматик первой половины XIX века до первых десятилетий XXI века не повторяет опубликованного уже Хр. Пырвевым в книге „Очерк по истории болгарской грамматики“, Ив. Куцаровым в книге „Теоретическая грамматика болгарского языка. Морфология“ и от Б. Вылчевым в книге „Возрожденческие грамматики болгарского языка“. Все три упомянутых исследования ограничены определенным темпоральным диапазоном, в то время как монография „Поверхностный падеж в русском языке: валентности и потенции“ охватывает также новейшие работы по болгарской грамматике, создавая тем самым полную картину понимания падежа в болгарской лингвистике. Кроме того, некоторые фактологические неточности, пропуски и не совсем правильные констатации, замеченные в указанных...трудах, были устранены“.

Лингвистика может давать указания для правильного употребления существующих морфологических форм, но она не может устоять против нажима актуального речеупотребления. Осознавая это, Энчо Тилев акцентирует на актуальном употреблении речевых форм в современном русском языке сквозь призму предложных и беспредложных конструкций и таким образом придает своему труду дополнительную полезность, помогая обучению русскому языку и придавая ему максимально современное звучание.

Критические замечания и рекомендации

Благодаря своей прецизированности и ясной теоретической позиции научное творчество Энчо Тилева не дает повода для особо строгих критических замечаний. Часть из них представлена в тексте этого отзыва в виде советов для тематического расширения и аргументации отдельных положений в его будущих исследованиях. У меня есть и указания частного характера, связанные с отражением научного творчества некоторых авторов. Имею также легкие сомнения относительно ссылки на отдельных языковедов, чье научное наследие по моему глубокому убеждению не может быть подходящим в качестве источника основных тезисов и теоретических постулатов. Это никоим образом не снижает оценки достигнутого кандидатом, наоборот, доказывает, что с ним можно полемизировать как с серьезным, сложившимся лингвистом. Поэтому предпочитаю по всем конкретным проблемам провести с ним, если, разумеется, он желает, личный разговор о его предстоящей работе в русистике и в теоретической лингвистике.

Личные впечатления

Мои личные впечатления от кандидата стали оформляться довольно давно, уже со студенческих его лет, когда он был исключительно активным председателем молодежного лингвистического клуба в ПУ и участвовал с докладами во всех научных мероприятиях для молодых языковедов, обычно занимая первое место. Я была его научным руководителем и

являюсь свидетелем его ускоренного роста в профессии с определенным интересом к теоретической лингвистике. Энчо Тилев отличается завидной трудоспособностью, а это качество, абсолютно необходимое для лингвиста-теоретика, поскольку избранная им область чрезвычайно сложна и почти необъятна по объему. Его критическое и нетавтологическое мышление дает мне основания думать, что он займет достойное место в нашем языкознании.

Заключение

Все поданные для участия в конкурсе документы соответствуют минимальным национальным требованиям и Регламенту ПУ для приложения ЗРАСРБ.

Учитывая личностные, преподавательские и научно-исследовательские качества кандидата, я нахожу все основания дать **положительную оценку** и рекомендовать Научному жюри составить доклад-предложение Ученому совету Филологического факультета для присуждения гл. ас. д-ру Энчо Тилеву Тилеву академической должности доцента в ПУ им. Паисия Хилендарского в области высшего образования 2. Гуманитарные науки, по профессиональному направлению 2.1. Филология (Славянские языки – Современный русский язык).

10.03.2025 г.

Оппонент:

Профессор Стефана Петрова Димитрова,
доктор филологических наук